

1001 ночь.

Рассказ о благочестивом царевице

Рассказывают, что у повелителя правоверных Харуна ар–Рашида был сын, который достиг шестнадцати лет жизни, и жил он отвратившись от мира, шествуя по пути постников и богомольцев. И он выходил на кладбище и говорил: "Вы владели миром, но не спасло это вас, и пришли вы к могилам. О, если бы только я мог знать, что вы сказали и что было вам сказано!" [415] И он плакал плачем испуганного и устрешенного я произносил слова того, кто сказал:

Пугают меня носилки всегда и вечно,

И горько мне слышать плакальщиц рыдания.

И случилось, что его отец проезжал мимо него торжественным выездом, и его окружали везири и вельможи царства и обитатели его страны, и они увидели сына повелителя правоверных, и на теле его был кафтан из шерсти, а на голове плащ из шерсти, и одни люди говорили другим: "Этот юноша опозорил повелителя правоверных среди царей. Если бы халиф пожурил его, он наверное отступился бы от того, чем он занят".

И повелитель правоверных услышал их слова и заговорил об этом со своим сыном и сказал: "О сынок, ты позоришь меня тем, что ты делаешь". Но его сын посмотрел на него и ничего не ответил. А потом он взглянул на птицу, сидевшую на одной из бойниц дворца, и сказал: "О птица, заклинаю тебя тем, кто тебя сотворил, упадя на мою руку". И птица опустилась на руку юноши. А потом он оказал ей: "Вернись на свое место!" И птица вернулась на место. "Упади на руку повелителя правоверных", – сказал ей царевиц, но птица не захотела упасть на его руку. И юноша сказал своему отцу, повелителю правоверных: "Это ты опозорил меня среди друзей Аллаха своей любовью к здешнему миру, и я решил расстаться с тобой такой разлукой, что вернусь к тебе только в последней жизни".

И затем он спустился в Басру и работал там с рабочими, меся глину, и зарабатывал каждый день только дирхем и даник, и на даник он кормился, а дирхем раздавал милостыней.

Говорил Абу–Амир аль–Басри: "У меня в доме упала стена, и я вышел на стоянку рабочих, чтобы присмотреть человека, который бы поработал для меня. И мой взор упал на прекрасного юношу со светлым ликом, и я подошел к нему и приветствовал его и сказал: "О любимый, хочешь ты работать?" "Да", – ответил он. И я сказал: "Ступай со мной строить стену". А юноша молвил: "На условиях, которые я тебе поставлю". – "О любимый, а каковы твои условия?" – спросил я. И юноша ответил: "Плата – дирхем и даник, и, когда прокричит муэдзин, ты отпустишь меня помолиться с людьми". И я сказал: "Хорошо". И взял его и пошел с ним в дом, и он работал работой, подобной которой я не видел. И я напомнил ему об обеде. И он сказал: "Нет". И я понял, что он постится, а услышав призыв на молитву, он сказал мне: "Ты знаешь условие?" И я ответил: "Да".

И тогда он распустил пояс и занялся омовением и совершил омовение, лучше которого я не видывал, а потом он вышел помолиться и помолился с народом, а после этого вернулся к работе. Когда же раздался призыв к предзакатной молитве, он омылся и пошел на молитву, а затем вернулся к работе, и я сказал ему: "О любимый, кончилось время работы – рабочие работают до предзакатной молитвы". Но он воскликнул: "Слава Аллаху! Моя работа до ночи". И не переставая работал до ночи.

Я дал ему два дирхема, и, увидев их, он спросил: "Что это?" И я ответил: "Это часть платы за твою старательную работу для меня!" Но он бросил мне дирхемы и сказал: "Я не хочу прибавки к тому, что было у словлено между нами".

И я стал его соблазнять, но не мог осилить и дал ему дирхем с даником, и он ушел. Когда же настало утро, я рано пошел на стоянку, но не нашел его и спросил про него, и мне сказали: "Он приходит сюда только в субботу".

И когда пришла следующая суббота, я отправился к этому месту и нашел его и сказал: "Во имя Аллаха! Пожалуй на работу!" А он молвил: "На условиях, которые ты знаешь". – "Хорошо", – сказал я. И пошел с ним домой и встал и принялся смотреть на него, а он меня не видел. И он взял немного глины и положил ее на стену, и вдруг камни стали ложиться друг на друга, и я воскликнул: "Таковы друзья Аллаха!"

И юноша проработал этот день, и сделал за день больше, чем прежде, и когда настала ночь, я дал ему его плату, и он взял ее и ушел.

Когда же пришла третья суббота, я пошел на стоянку и не нашел юноши, и спросил про него, и мне сказали:

"Он болен и лежит в палатке такой–то женщины". А эта женщина была старуха, известная своей праведностью, и у нее была палатка из тростника на кладбище. И я отправился к палатке и вошел туда, и вдруг вижу, он лежит на земле и под ним ничего нет, и он положил голову на кирпич, и лицо его сияет светом. И я приветствовал его, и он возвратил мне приветствие, и тогда я сел у его изголовья, плача о том, что он молод годами и чужеземец и получил поддержку, повинуюсь своему господу.

А потом я спросил его: "Есть у тебя в чем нужда?" И он ответил: "Да". – "Какая?" – спросил я. И юноша сказал: "Когда настанет завтрашний день, ты придешь ко мне на заре и найдешь меня мертвым; ты обмоешь меня и выроешь мне могилу, и не скажешь об этом никому, а завернешь ты меня в этот кафтан, который на мне, но сначала распори его и поищи в кармане: вынь то, что там есть, и храни это у себя, а когда ты помолишься обо мне и похоронишь, отправляйся в Багдад и выследи, когда халиф Харун ар–Рашид выйдет, и отдай ему то, что ты найдешь у меня в кармане, и передай ему мой привет".

И затем он произнес исповедание веры и восхвалил своего господа красноречивейшими словами и произнес такие стихи:

"Залог передай того, кончина к кому пришла;

Его ар–Рашиду дай – награда ведь в этом.

"Изгнанник, – скажи ему, – стремился увидеть вас,

Хоть долго вдали он был, но шлет вам привет он.

Вдали он не из вражды к тебе или скуки, нет!

К Аллаху он ближе стал, целуя вам руку.

Вдали от тебя, отец, теперь он лишь потому,

Что чуждо душе его стремленье к мирскому".

А после этого юноша принялся

просить прощения у Аллаха..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста вторая ночь

Когда же настала четыреста вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что после этого юноша принялся просить прощения у Аллаха и воссылать привет господину благочестивых и прочитал некоторые стихи Корана, а потом произнес такие стихи:

"О родитель мой, не дай счастьем обмануть себя:

Жизнь ведь кончится, а счастье прекратится.

А когда узнаешь о людях ты, чей плох удел,

То знай, что ты о них вопрошен будешь.

А когда снесешь носилки ты на кладбище,

То знай, снесут тебя потом за ними".

Говорил Абу–Амир аль–Басри: "И когда юноша окончил свое завещание и стихи, я ушел от него и отправился к себе домой. Когда же настало утро, я пошел к нему на заре и увидел, что он уже умер, – да будет милость Аллаха над ним! И я обмыл его и распорол его карман и нашел там яхонт, стоящий много тысяч динаров, и тогда я воскликнул про себя: "Клянусь Аллахом, этот юноша был до крайности воздержан в этой жизни!" А потом, похоронив его, я отправился в Багдад и пришел ко дворцу халифа и стал ждать выхода ар–Рашида. И когда он вышел и я встретил его на какой–то дороге, я отдал ему яхонт. И, увидав яхонт, ар–Рашид узнал его и упал, покрытый беспамятством. И слуги схватили меня, а когда ар–Рашид очнулся, он сказал слугам: "Отпустите его и отошлите со всею учтивостью во дворец".

И слуги сделали так, как он им приказал, и, придя во дворец, халиф призвал меня и ввел в свои покои и спросил: "Что делает владелец этого яхонта?" И я отвечал: "Он умер". И описал халифу его положение. И халиф начал плакать и воскликнул: "Сын воспользовался, а отец обманулся! – А потом он крикнул: – О такая–то!"

И к нему вышла женщина, и, увидев меня, она хотела уйти обратно, но халиф сказал ей: "Подойди сюда, тебе не будет от него дурного". И женщина вошла и поздоровалась, и халиф бросил ей яхонт, и, увидев его, женщина закричала великим криком и упала без чувств, а очнувшись от беспамятства, она сказала: "О повелитель правоверных, что сделал Аллах с моим сыном?" – "Расскажи ей про него", – сказал халиф. И его начали душить слезы, а я рассказал женщине про юношу, и она стала плакать и говорила слабым голосом: "Как я стремлюсь тебя встретить, о прохлада моего глаза! О, если бы я тебя напоила, когда ты не нашел поящего! О, если бы я развлекла, когда ты не нашел развлекающего".

И затем она пролила слезы и сказала такие стихи:

"Я плачу об изгнанном, что умер и был один,

И друга он не нашел, на грусть чтобы сетовать.

И после величия и близости к милым всем

Остался он одинок, не видел он никого.

Все люди ведь видят то, что дни за собой таят,

И смерть никому из нас остаться не даст навек.

Изгнанник! Судил господь ему быть в изгнании,

И сделался от меня далек он, хоть близок был.

Хоть смерть отняла надежду встретить тебя, мой сын,

Мы все–таки встретимся, день счета когда придет".

И я спросил: "О повелитель правоверных, разве это твой сын?" И халиф ответил: "Да. Раньше, чем я получил эту власть, он посещал ученых и сиживал с праведниками, а когда я получил власть, он стал меня избегать и отдалился от меня. И я сказал его матери: "Этот ребенок предался Аллаху великому, и, может быть, постигнут его беды, и он будет бороться с испытаниями. Дай ему этот яхонт, он найдет его в минуту нужды".

И она дала ему яхонт и упрашивала сына взять его, и тот исполнил ее приказание и взял его, а потом он оставил наш земной мир и исчез от нас, и отсутствовал, пока не встретил Аллаха, великого, славного, чистый и богобоязненный".

"Поднимайся, покажи мне его могилу!" – сказал мне потом халиф, и я вышел с ним, и шел до тех пор, пока не показал ему могилу. И халиф стал так рыдать и плакать, что упал без чувств, а очнувшись от беспамятства, он попросил прощения у Аллаха и воскликнул; "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!" И помолился о благе своего сына. И затем он попросил меня о дружбе. И я сказал: "О повелитель правоверных, поистине в твоём сыне для меня величайшее назидание".

И я произнес такие стихи:

"Изгнанник я, и нигде приюта мне больше нет.

Изгнанник я, хотя был бы я в родном городе!

Изгнанник я, ни семьи, ни сына у меня нет,

И больше ни у кого приюта я не найду!

Ищу я пристанища в мечетях, – нет, там живу,

И сердце оставить их не может мое вовек.

Да будет хвала Аллаху, господу всех миров,

За то, что он милостив и в теле оставил дух!"